

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-13-26>

Нанотехнологии юриспруденции

Баранов Владимир Михайлович¹, Поляков Сергей Борисович²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, orcid.org/0000-0003-2689-739X;

²Пермский филиал Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Пермь, Россия, orcid.org/0000-0003-3027-6713

¹baranov_prof@bk.ru, ²psb59@rambler.ru

Аннотация. В статье предлагается сориентировать и расширить правовые доктринальные исследования правотворческих и правоприменительных операций — «атомов» юридической деятельности и созданию из них структур, из которых должны возникать социальная и юридико-техническая адекватность нормативных правовых актов, правовая определенность, единообразное правоприменение, упорядоченность общественных отношений. Естественные науки проникают во все меньшие частицы природы до миллиардных долей предметов (нано). Из малых размеров вследствие изменения структуры материалов возникают новые свойства — результаты технологий прогресса. Нижегородская научная школа «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика)» почти 30 лет исследует технику правотворчества и правоприменения. Одна из главных задач — перевод научных результатов в воспроизводимые действия (технологии) в обучении практикующих юристов правотворческим, интерпретационным, реализуемым правоприменительным операциям. Главные риски для развития страны — «это, в первую очередь, нехватка квалифицированных кадров и собственные передовые технологии — их отсутствие по некоторым направлениям» [1].

Ключевые слова: нанотехнологии, анализ правовых актов, правотворческие, интерпретационные, правоприменительные операции, элементы, информационные технологии

Для цитирования: Баранов В. М., Поляков С. Б. Нанотехнологии юриспруденции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 13–26. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-13-26>.

Original article

Nanotechnology of law

Vladimir M. Baranov¹, Sergey B. Polyakov²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, orcid.org/0000-0003-2689-739X;

²Perm Branch of the National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation, orcid.org/0000-0003-3027-6713

¹baranov_prof@bk.ru, ²psb59@rambler.ru

© Баранов В. М., Поляков С. Б., 2024

Abstract. The article proposes to orient and expand legal doctrinal studies of law-making and law enforcement operations — the “atoms” of legal activity and the creation of structures from them, from which the social and legal-technical adequacy of normative legal acts, legal certainty, uniform law enforcement, and the ordering of public relations should arise. Natural sciences penetrate into smaller and smaller particles of nature — up to billionths of objects (nano). From small sizes, due to changes in the structure of materials, new properties arise — the results of technological progress. Nizhny Novgorod Scientific School “Improvement of legal technology as a pattern of the law-making process in Russia (history, theory, practice)” has been researching the technique of law-making and law enforcement for almost 30 years. One of the main tasks is the translation of scientific results into reproducible actions (technologies), in the training of practicing lawyers in law-making, interpretative, implemented law enforcement operations. The main risks for the country’s development are, “first of all, the lack of qualified personnel and its own advanced technologies — their absence in some areas” [1].

Keywords: nanotechnology, analysis of legal acts, law-making, interpretative, law enforcement operations, elements, information technologies

For citation: Baranov V. M., Polyakov S. B. Nanotechnology of law. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (67), pp. 13–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-13-26>.

Нобелевский лауреат Ж. И. Алферов так объяснил суть нанотехнологии: «Прежде всего, нано — это значит миллиардная доля, нанометр — это миллиардная доля метра... И в целом можно сказать, что нанотехнологии, наноиндустрия, наноматериалы — это тот класс материалов, когда принципиально новые возникающие свойства происходят из тех или иных физических явлений, которые появляются только вследствие вот этих малых размеров, вследствие изменения структуры материала, которых, вообще говоря, нет в природе» [2, с. 100–102].

Состязание в естественных науках измеряется в уменьшении величин природы, которые удается обнаружить и сконструировать из них новые достижения для улучшения качества жизни. «В середине 80-х и у нас, и за рубежом основной технологический размер в кремниевых интегральных схемах (чипах) был 0,8–1,0 мкм, при этом нам ничего не продавалось, мы все создавали сами. Сегодня в развитых странах в массовом производстве он составляет 0,09 мкм (90 нанометров), в Китае, Израиле, Японии, Южной Корее и Тайване — 65 и даже 45 нанометров, а в США уже 32 нанометра, мы же на лучшем и почти единственном уцелевшем от разгрома отечественном предприятии «Микрон» в Зеленограде еще только осваиваем купленную во Франции технологию 180 нанометров» [2, с. 174]. Несмотря на колоссальный прогресс и внедрение нейронных сетей практически во все сферы деятельности человека, ученые все еще ищут оптимальную элементную базу искусственных нейронных сетей, которые бы потребляли минимум энергоресурсов и при этом работали с экстремально большим объемом данных [3, с. 11–12].

В биомедицине разработаны уникальные золотые (имеется в виду благородный металл, а не метафора) наночастицы, которые обладают особым спектральным свойством избирательного воздействия на злокачественные клетки.

В биологии активно изучаются адаптивно-приспособительные реакции компонентов биоты, на всех уровнях их биологической организации, при поступлении в среду обитания наночастиц различной природы (меди, цинка, кремния), что имеет значение для определения безопасных уровней в биоценозах [4].

Теория права и отраслевые юридические науки не показывают такого же целеустремленного движения государственно-правовой действительности. Они тяготеют к поиску в глубины философского камня права, «истинного» определения его, от познания которого якобы возникнут совершенные законы и справедливое правоприменение. На деле зачастую появляются новые термины вместо обозначающих то же самое [5, с. 3–36].

Терминологические изыскания существуют параллельно с государственно-правовой действительностью, в которой юридические методы правотворчества и правоприменения не господствуют. К едва ли не большинству плодов реальной юридической деятельности относятся начальные слова работы Р. Иеринга «Юридическая техника»: «То, что должно каждого профана убедить в его невежестве, разъяснению чего я и посвящаю, поэтому, главное внимание, составляет юридический метод. Юристу, собственно, ничего не должно было бы быть более знакомо, чем этот метод, так как он именно и создает юриста» [6, с. 16].

Мы не ратуем за культивирование в юриспруденции своеобразной наноиндустрии:

необходимо и возможно уже на нынешнем уровне развития правовой науки в разумных пределах внедрять принципы нанотехнологий, видеть ценность малых величин. Переход в «нано» в юридической деятельности — создание такого правового «продукта», который отличается малыми размерами и при необходимости легко воспроизводится при государственной оценке и контроле. Когда в идеях и концепциях законов осуществляется «ранняя диагностика» возможных разноплановых последствий, то не стоит упускать из виду «нанодиагностику».

Диагностика на наноуровне особенно важна при прогнозировании потенциальных вредных, отрицательных последствий функционирования законодательного акта.

Начнем с методов правоприменения, в которых обнаруживаются дефекты правотворческой деятельности в рассматриваемой плоскости.

Из норм процессуального закона (ст. 148 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), ч. 1 ст. 138 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ), ст. 26.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ), ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) следует такая последовательность правоприменительных операций:

1. Определение норм права для решения юридического дела по названным истцом или обвинением фактическим и юридическим основаниям. Факультативно при наличии юридических возражений ответчика (обвиняемого, лица, привлекаемого к административной ответственности) через операции:

1.1) определения действия названных истцом норм права во времени и пространстве;

1.2) толкования предписаний в нормах, названных истцом, при возражении соответствия его притязанию (право, а не обязанность ответчика);

1.3) установление и преодоление коллизий норм права, на которые ссылаются стороны спора.

2. Конструирование логических норм права и структурный анализ их элементов, необходимый при всех правоприменительных операциях.

3. Определение фактического состава, порождающего предписание-требование к ответчику (состава преступления или правонарушения). Факультативно при наличии спора о составе юридических фактов (их обязательности или альтернативности) через операции:

3.1) толкования права;

3.2) установления и преодоления пробела в праве (эта операция также необходима, если истец изначально заявляет, что его притязание не основано на норме права из-за пробела в законе).

4. Доказывание фактического состава, порождающего предписание-требование к ответчику (состава преступления или правонарушения):

4.1) распределение бремени доказывания;

4.2) определение соответствия названного доказывающим обстоятельства дела понятию юридического факта при наличии спора через операцию толкования права;

4.3) доказывание наличия/отсутствия фактического обстоятельства дела, соответствующего юридическому факту [7, с. 470–473].

Каждая из этих операций имеет свои элементы (частицы). Умение видеть их и работать с ними в определенной последовательности предопределяет верный результат операции. Ошибка хотя бы в одной операции грозит неправильным решением по существу дела.

Анализ судебных актов показывает, что примерно в четверти из них содержится перечень юридически значимых обстоятельств, которые суд определил подлежащими установлению и доказыванию по делу. То есть изначально содержание большинства судебных решений лишено логической основы, установленной законом, влекущее неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела (основание для отмены судебных актов, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, п. 2 ст. 389.16, п. 1 и 2 ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ) [8, с. 14–18].

Отсутствие юридических методов в судебных актах выявляется при совершении каждой из правоприменительных операций.

Суждения судов о наличии или отсутствии коллизии норм права в большинстве случаев не сопровождаются аргументацией выводов. Основания их в виде соотношения элементов сравниваемых норм не указываются.

Между тем для установления коллизии норм права, названных участниками спора, нужно формально-догматическое сравнение норм права, предлагаемых сторонами. О наличии коллизии можно утверждать:

— когда для возникновения тождественных дозволенных, обязательных или запрещенных одному адресату действий (тождество диспозиций) нормы устанавливают разные фактические составы (различие гипотез);

— когда при тождественных фактических составах (тождество гипотез) для одного адресата

нормы устанавливают разные действия (различные диспозиции).

Поэтому для ответа о наличии или отсутствии коллизии норм права необходимо осуществить структурный анализ сравниваемых норм права, а именно вывести из текстов сопоставляемых положений правовых актов:

- характеристики понятий адресата предписаний;

- описание содержащихся в них дозволенных, описательных, запрещенных деяний совместимых адресатов (диспозиции);

- перечень юридических фактов, образующих фактические составы, порождающие, изменяющие, прекращающие предписанное деяние (гипотезы).

Подчиненные понятия в адресатах и диспозициях сравниваемых норм присущи специальным нормам относительно общим, содержащим подчиняющие понятия в тех же элементах логических норм права [9, с. 46–51].

На основании структурного анализа норм права, о коллизии которых заявляется участниками спора, суды выводы делают редко, но вольно оперируют понятием «коллизия норм права». Показательна аргументация судебных актов по одному делу с одним решением во всех инстанциях [10].

Индивидуальный предприниматель (далее — ИП) купил у ООО нежилое помещение. ООО сдавало это помещение в аренду государственному казенному учреждению (ГКУ) на основании государственного контракта на аренду нежилого помещения. ИП направил ГКУ уведомление о смене собственника и необходимости внесения арендной платы на его счет с момента передачи ему помещения прежним собственником 12 ноября 2019 года. ГКУ ответил о заинтересованности в продолжении аренды помещения, о подготовке нового контракта аренды с ИП, который был заключен ИП и ГКУ 31 июля 2020 года. На требование о внесении арендной платы за период с 12 ноября 2019 года по 31 июля 2020 года ГКУ ссылаясь на установленный частью 5 статьи 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ) запрет на перемену поставщика по государственному контракту.

Удовлетворяя иск ИП, суд первой инстанции указал: «установление императивного запрета на замену стороны государственного контракта, согласно части 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ, не

содержит отрицания действия пункта 1 статьи 617 ГК РФ в части установления гарантий правового положения арендатора при смене собственника арендуемого имущества, как и не закрепляет запрета собственнику на свободное распоряжение принадлежащим ему имуществом.

С учетом буквального содержания части 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ не усматривается правовых оснований для перехода соответствующих обязанностей арендодателя по спорному контракту, а также возможностей по его изменению либо расторжению в качестве стороны к новому собственнику помещения, что, однако, в силу действия определяющих частноправовых принципов добросовестности, разумности и справедливости не исключает фактического перехода в силу закона к новому собственнику помещения права на получение платы за пользование принадлежащим ему имуществом со стороны арендатора как безусловно получающего соответствующее благо в период до освоения этого имущества.

Суд первой инстанции не упоминал о какой-либо коллизии между пунктом 1 статьи 617 ГК РФ и частью 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ, и для такого упоминания не было никаких оснований.

Пункт 1 статьи 617 ГК РФ гласит: «Переход права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненного наследуемого владения) на сданное в аренду имущество к другому лицу не является основанием для изменения или расторжения договора аренды».

В части 5 статьи 95 закона установлено: «При исполнении контракта не допускается перемена поставщика (подрядчика, исполнителя), за исключением случая, если новый поставщик (подрядчик, исполнитель) является правопреемником поставщика (подрядчика, исполнителя) по такому контракту вследствие реорганизации юридического лица в форме преобразования, слияния или присоединения».

Согласно пункту 1 статьи 617 ГК РФ адресат предписания должен исполнять обязанности арендатора, так как он является новым собственником предмета аренды, а не поставщиком (исполнителем), заключившим государственный контракт, предусмотренный частью 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ. Различие адресатов предписаний в нормах права исключает коллизию между ними. К тому же различны (при не тождественности адресатов это устанавливать нет необходимости):

— диспозиции: запрет перемены исполнителя в части 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ;

— гипотезы: для обязанности нового арендодателя — переход права собственности на сданное в аренду имущество к другому лицу; для запрета исполнителю государственного контракта отчуждать предмет контракта — имущество является предметом государственного контракта, новый исполнитель не является правопреемником поставщика вследствие реорганизации юридического лица.

На основании части 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ мог быть заявлен встречный иск о недействительности договора купли-продажи между ИП и ООО. Тогда при отсутствии коллизий между нормами, содержащимися в части 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ, и пункта 1 статьи 617 ГК РФ суд должен был бы устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела, по нормам права — юридическим основаниям встречного иска. Однако ГКУ не пошло по этому пути, а согласилось с переменной арендодателя. При отсутствии коллизий норм права обстоятельства, имеющие значение для дела, должны были устанавливаться по нормам права, названным первоначальным истцом (далее — ПИ). Так и сделал суд первой инстанции, подчеркнувший, что часть 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ не содержит отрицания действия пункта 1 статьи 617 ГК РФ и иных положений ГК РФ об обязательствах по договору аренды.

Однако суд кассационной инстанции приписал суду первой инстанции преодоление им коллизии норм права: «Суд первой инстанции, оценив положения части 5 статьи 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 № 44-ФЗ и положения пункта 1 статьи 617 Гражданского кодекса Российской Федерации, и установив коллизию норм права, пришел к выводу о приоритете действия пункта 1 статьи 617 Гражданского кодекса РФ как специальной нормы». Основания такого утверждения и вывода о наличии в пункте 1 статьи 617 ГК РФ специальной нормы относительно части 5 статьи 95 Закона № 44-ФЗ в кассационном постановлении отсутствуют. На итоговое решение по делу в данном случае это не повлияло. По другим делам неглубокое представление судов о коллизиях норм права нередко влечет неправильный выбор норм права, подлежащих применению в деле, вводит субъектов права в заблуждение в отношении моделей правового регулирования, то есть порождает его правовую неопределенность.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 31 августа 2023 года по делу № А40-73165/2023

отказано в удовлетворении требований ООО-1 о признании незаконными действий (бездействий) Банка по неисполнению судебного приказа (исполнительного документа) о взыскании с ООО-2 задолженности в пользу ООО-1 [11]. Согласно части 1 статьи 7 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон № 229-ФЗ) банк обязан произвести по исполнительному документу списание денежных средств со счета должника в пользу взыскателя. Банк обосновывал неисполнение этой обязанности положениями пункта 5 статьи 7.7 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Закон № 115-ФЗ), согласно которому банк не проводит операции по списанию денежных средств с банковского счета клиента — юридического лица, который отнесен кредитной организацией и Центральным банком Российской Федерации к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций. Юридические возражения против предъявленного требования заключались не в отрицании положений закона, названного истцом (основание для операции установления и преодоления коллизии норм права), а в указании положений закона, содержащих дополнительные к названным заявителем юридические факты, порождающие обязанность ответчика. В данном случае отрицательный юридический факт — должник не является лицом высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций.

Примечательна аргументация решения суда: «Согласно части 8 статьи 70 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон № 229-ФЗ) не исполнить исполнительный документ или постановление судебного пристава-исполнителя полностью банк или иная кредитная организация может в случае отсутствия на счетах должника денежных средств, либо в случае, когда на денежные средства, находящиеся на указанных счетах, наложен арест, или когда в порядке, установленном законом, приостановлены операции с денежными средствами, либо в иных случаях, предусмотренных федеральным законом. Обобщая изложенные нормы, следует, что противоречия в Законе № 229-ФЗ и Законе № 115-ФЗ отсутствуют.

При этом при коллизии норм Закона № 229-ФЗ и Закона № 115-ФЗ приоритет

имеют специальные нормы права, то есть Закон № 115-ФЗ.

В одном абзаце суд указывает на отсутствие коллизии норм права, в следующем — на наличие коллизии общей и специальной нормы права без обоснования наличия таковой и ее вида. Явное нарушение логического закона непротиворечия ставит под сомнение решение суда.

Практической правоприменительной проблемой является отсутствие в судебных актах ясных оснований для установления и преодоления коллизий норм права (элементов этой правоприменительной операции и конструкций из них), влекущее произвольность судебных решений. В частности, типичны определения специальных норм не по содержанию норм, о коллизии которых заявлено участниками дела, а по предмету регулирования нормативных правовых актов, в которых эти нормы содержатся.

В то же время нельзя считать названные элементы норм и их соотношения для установления наличия или отсутствия коллизий норм права, их видов, а также правила их преодоления конечными, что является научной задачей достижения обоснованной и непротиворечивой правоприменительной практики.

Также в большинстве случаев малообоснованной является аргументация в судебных актах наличия или отсутствия пробелов в законе при заявлениях о таковых участниками юридического дела или по инициативе суда.

Определением судьи Жигулевского городского суда Самарской области от 14 февраля 2020 года возвращена заявителю жалоба М. на постановление по делу № 21-673/2020 об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 8.25 КоАП РФ. Решением Самарского областного суда от 23 апреля 2020 года жалоба М. на определение суда оставлена без удовлетворения [11]. В решении указано, что КоАП РФ не установлены требования, предъявляемые к содержанию жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. Однако суд, ссылаясь на положения о подготовке жалобы к рассмотрению (ст. 30.4, 30.6, 30.7 КоАП РФ), посчитал, что без указанных в жалобе сведений он не может определить обстоятельства, необходимые для рассмотрения жалобы по существу, а потому сделан вывод: «В случае отсутствия в законодательстве об административных правонарушениях соответствующих процессуальных норм, согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации, восполнение пробелов возможно

на основе процессуальной аналогии». В каком именно решении Конституционного Суда Российской Федерации предусмотрена подобная процессуальная аналогия, в судебных постановлениях не сказано. Суд даже не указал, что он применил статью 135 ГПК РФ, предусматривающую возвращение искового заявления. Почему по аналогии не применена статья 136 ГПК РФ об оставлении заявления без движения для устранения заявителем указанных судом недостатков в установленный срок, в решении не указано.

Между тем никакого пробела здесь нет. В силу разрешительного метода правового регулирования государственной деятельности суд вправе принимать только те процессуальные решения, которые прямо установлены законом. Отсутствие особых требований к жалобе и возможности суда уклониться от ее рассмотрения является квалифицированным молчанием законодателя в целях обеспечения скорой судебной защиты от незаконного привлечения к административной ответственности. Из указанных судом статей КоАП РФ следует, что недостающие сведения устанавливаются как раз на стадии подготовки жалобы к рассмотрению. Суды же в приведенном примере, вопреки требованиям статьи 2, 18, 46, 52 Конституции Российской Федерации, придумали без каких-либо обоснований пробел в законе и под видом аналогии закона нашли норму для иных правоотношений, чтобы не исполнять свои конституционные обязанности.

Элементами установления и преодоления пробелов в праве являются аргументы «за» и «против» пробела. Нами предложено «меню» таких аргументов, облегчающее аргументацию решения суда по этому вопросу [12, с. 63–81; 9, с. 145–148, 203–205]. Однако в каждом случае суд должен принять решение самостоятельно. Научной задачей является отыскание новых доводов для более точных решений споров о пробеле в праве, возникающих при решении юридических дел.

Решением Промышленного районного суда г. Владикавказа от 24 октября 2016 года по делу № 2-1436/2016 удовлетворены требования Т. о взыскании с ОАО компенсации морального вреда в связи с причинением вреда его здоровью производственной травмой. Работодатель, возражая против заявленного размера компенсации, утверждал о пробеле в праве: отсутствие в законе разъяснений относительно гарантий и компенсации возмещения морального вреда работникам в связи с их трудовым увечьем

или профессиональными заболеваниями, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей. На основании пункта 1 статьи 6 ГК РФ им предлагалось применить отраслевое тарифное соглашение, в котором предусматривались расчеты суммы компенсации морального вреда для подобных случаев. Суд не признал наличие пробела в праве и исходил из норм гражданского законодательства, не связывающего его усмотрение в определении размера компенсации морального вреда [11].

В этом примере обнаруживается дополнительный аргумент против пробела в праве, относящийся к роду «ошибка в праве (если бы спорное обстоятельство предусматривалось законом)»: ограничение оценочного понятия, установленного законом. Нередко судьи, не умеющие определять индивидуальные обстоятельства дела, соответствующие юридическим фактам, изложенным в законе оценочными понятиями, выдают последние за пробел в законе [13–14].

В большинстве судебных актов, указывающих на самую частую правоприменительную операцию — толкование права, когда суд указывает на «неверное толкование норм права», — не приводятся способы и приемы, какими суд пришел к «верному» толкованию права. Особенно заметно отсутствие юридических методов в толковании права судом, когда сторона четко называет способы и приемы толкования права, приведшие его к отвергаемой судом позиции, а тот не указывает, какие ошибки допущены при использовании соответствующих способов и приемов толкования права.

Перевод выявляемых юридической наукой «частниц» юридической деятельности и их структур в технологии («применение научного знания для выявления способов совершать воспроизводимые действия» [15, с. 38]) возможен информационными инструментами. Это можно показать на операции толкования предписаний в нормах, названных истцом, при возражении соответствия его притязанию (право, а не обязанность ответчика).

Элементами этой операции определены: 1) лингвистическая конструкция изложения предписаний; 2) статус адресатов нормы права (частный или публичный); 3) прямое изложение одного или встречных предписаний нормы права в правовом акте [16, с. 710–714; 17, с. 251–257]. Выбрать из «меню» лингвистических конструкций ту, что соответствует спорному тексту правового акта, и один из двух вариантов по двум другим позициям судья может очень быстро. Из этих

элементов с учетом вариантов лингвистических конструкций возможно около 300 комбинаций. Анализом судебной практики выведены ответы по этим комбинациям либо отсутствие споров по подавляющему большинству комбинаций [18, с. 16–32]. Комбинации и выводы введены в компьютерную программу, которая рекомендует судье за мгновения решение по спору о толковании содержания предписания [19].

При переводе элементов юридических операций в алгоритмы и их комбинации должны создаваться компьютерные программы для юридической деятельности. Они призваны вести юриста в нужной последовательности совершения операций, установленных законом и созданных доктриной, но не искусственным интеллектом, по своей природе пригодным для воспроизводства массовой деятельности юридических профанов.

Практические проблемы правоприменения в значительной степени — следствие ненаучности нормотворчества. Немалое число его продуктов можно отнести к тому, что П. А. Скобников назвал ситуативно-популистским законотворчеством: «мыотреагировали на обозначившуюся проблему — вот законопроект, получите», и поставить галочку. О последствиях же реализации нормативных правовых актов они попросту не думают, совершенно их не просчитывают» [20, с. 61].

Принят Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [21]. До того (в порядке регионального опережающего правотворчества) приняты Закон Ханты-Мансийского АО — Югры от 27 июля 2020 года № 70-оз «О креативных индустриях в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре», Закон Самарской области от 13 января 2022 года № 8-ГД «О развитии творческих (креативных) индустрий в Самарской области», Закон Новгородской области от 28 февраля 2023 года № 280-ОЗ «О креативных (творческих) индустриях в Новгородской области» [11].

Начальный этап технико-юридически выверенного законотворческого процесса образуют два последовательно сменяющих друг друга элемента: идея и концепция законопроекта [22–39].

Идея законопроекта — относительно самостоятельный прием юридической техники, организационно автономный начальный этап законотворчества, представляющий собой систему теоретически обоснованных, практически апробированных либо выработанных

на основе здравого смысла суждений о настоятельной потребности в документе, предмете и методах правовой регламентации, ближайших и отдаленных целях акта, ожидаемом результате [37, с. 337–338].

Концепция проекта нормативного правового акта, если основываться на общем понимании этого термина, — это предложение, предполагаемая модель, юридическая конструкция урегулирования фактической ситуации. Концепция проекта нормативного правового акта, подчеркиваем взаимосвязанное соотношение субъективных юридических прав и субъективных юридических обязанностей, полномочий и юридической ответственности; это макет будущих правовых отношений. Совершенство концепции, ее логика — показатель качества будущего закона, по большому счету — эффективности правового регулирования [22–26; 30; 32; 33, с. 32; 34; 36; 38–39].

Из Федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», пояснительной записки к нему и из упомянутых законов субъектов Российской Федерации, регулирующих развитие креативных индустрий, нельзя определить идеи и концепции этих правовых актов.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 474016-8 в начале указано на потребность закрепить на законодательном уровне понятия: «креативная экономика», «креативный кластер» и «креативные (творческие) индустрии», — а также определить перечень креативных (творческих) индустрий. Источниками этих потребностей названы Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 года», План мероприятий по реализации в 2022–2024 годах Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2022 года № 2290-р, подпункты «а», «б» пункта 6 перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России» № Пр-1593.

Между тем существенным признаком, характеризующим нормативный правовой акт, является наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного

круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений [40–41]. Легальные дефиниции нужны в отношении понятий, содержащихся в элементах норм права (гипотезы, диспозиции, санкции), то есть изначально определяются элементы норм права, а затем их понятия.

В Федеральном законе можно выявить только три логические нормы права о:

— праве физических лиц, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей на включение в единый реестр субъектов креативных индустрий и встречной обязанности бланкетно указанного субъекта включить заявителя в единый реестр субъектов креативных индустрий (ст. 7);

— запрете органам государственной власти Российской Федерации и субъектам Российской Федерации и их должностным лицам оказывать меры государственной поддержки субъектам креативных индустрий, не соответствующих признакам таковых (ст. 10);

— обязанности субъектов креативных индустрий предоставлять сведения, необходимые для формирования официальной статистической информации в сфере креативных индустрий (ст. 15).

В Законах Ханты-Мансийского АО — Югры и Новгородской области содержится только одна логическая норма (о праве делегирования Правительством субъекта Федерации полномочий в сфере развития и поддержки креативных индустрий и обязанности исполнительных органов субъекта Федерации осуществлять делегированные полномочия). В Законе Самарской области нет ни одной логической нормы права.

Завершается пояснительная записка к проекту Федерального закона в части его назначения следующим утверждением: «В целом законопроект направлен на дальнейшее внедрение элементов креативной экономики и развитие сферы креативных индустрий в Российской Федерации в целях увеличения вклада креативной экономики в валовый внутренний продукт страны за счет продуктов с высокой добавленной стоимостью».

В этом тезисе, конечно, можно усмотреть идею внедрения законом элементов креативной экономики и развития сферы креативных индустрий для достижения указанных до этого в пояснительной записке показателей, определенных распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 года № 2613-р: увеличение доли креативных индустрий

в экономике Российской Федерации с 2,21 до 3 % к 2024 году, до 6 % — к 2030 году.

Из содержания названных законодательных актов, регулирующих развитие креативных индустрий, нельзя определить: каким образом вследствие этих законов будут внедряться элементы креативной экономики и развиваться сферы креативных индустрий, как станут создаваться объекты интеллектуальной собственности.

Потребность авторов объектов интеллектуальной собственности, «субъектов креативных индустрий» в условиях творческой деятельности в пояснительной записке к проекту Федерального закона не обосновывается. В пояснительной записке написано: «Законодательное регулирование креативных индустрий, реализованное в настоящем законопроекте, основывается на статье 44 Конституции Российской Федерации, которой гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, защита интеллектуальной собственности». Между тем создание условий творческой деятельности противоречит буквальному содержанию статьи 44 Конституции Российской Федерации, гарантирующей свободу, то есть отсутствие каких-либо условий литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества.

В то же время в пояснительной записке и в содержании проекта Федерального закона, и в сходных с ним законах субъектов Российской Федерации говорится о возможных, но не обязательных для государства мерах поддержки субъектов креативных индустрий. Более того, в финансово-экономическом обосновании к проекту Федерального закона прямо указано: «Реализация проекта федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» не потребует дополнительных расходов, покрываемых за счет федерального бюджета».

Из того, что в доктрине относят к элементам концепции нормативного правового акта [22–39], в пояснительной записке и в содержании проекта Федерального закона и сходных с ним законов субъектов Российской Федерации отсутствуют:

- предельно конкретное определение предмета законодательной регламентации;
- «древо целей» законопроекта;
- доказательства невозможности урегулирования ситуации иными социальными регуляторами;
- определение вида и места в иерархии действующего законодательства планируемого

законопроекта (бюджетного, налогового, гражданского и др.).

Невнятная концепция проекта Федерального закона и сходных с ним законов субъектов Российской Федерации вуалирует бюрократическую идею законопроекта об имитации деятельности по внедрению элементов креативной экономики и развитию сферы креативных индустрий. «Имитация в сфере реализации государственной власти, осуществления государственного управления означает, что орган или организация имитируют (изображают) реальную деятельность, достижение цели, часто желание общего благополучия, не решая по существу задач и не выполняя собственных функций» [42, с. 35 со ссылкой на 43].

Законодательное определение «креативных» понятий создает фикции. В отсутствие реальных творческих достижений, делающих жизнь лучше, показателями искусственно созданных фикций «креативной экономики», «креативных кластеров», «креативных (творческих) индустрий» чиновники будут отчитываться о достижении увеличения доли креативных индустрий.

Создание технологий правотворчества возможно с использованием компьютерных программ, но не для сотворения надуманного «машинчитаемого и самоисполняемого права». В программы должны закладываться в виде алгоритмов элементы правотворческой деятельности. Создание и совершенствование их является частью предложенной нами концепции «Норморайтер как профессия» [44].

При создании и использовании такой программы авторы «креативных» законов вынуждены были бы последовательно выполнять действия для получения результатов, выражающих идею и все элементы концепции законопроекта. И так далее по всем «частицам», «молекулам» правотворческой деятельности. Поиск таких частиц в исследовании М. Л. Давыдовой регулятивных средств и их комбинаций умного регулирования [45, с. 10–15].

В этой связи лишь несколько штрихов относительно дефектности правотворческих операций.

Сложности для правоприменителей в операциях толкования права, установления и преодоления коллизий, пробелов в праве возникают из-за неясности логических норм права в текстах нормативных правовых актов, представленных не как система строго сконструированных логических норм. После определения иерархии конкурирующих в обществе ценностей (принципов права), целей правового регулирования как желаемого и измеряемого результата действия

принимаемого нормативного правового акта необходимо четко формулировать корреспондирующие друг другу право / обязанность / запрет на ясно сформулированные действия субъектов отношений и фактические составы, порождающие эти деяния.

Частицами элементов логической нормы права являются конструкции, написанные специальным языком (официально-делового стиля, подстиля языка законодательных актов) [46, с. 124]. «Достижение указанного требования может влиять на эстетические начала нормативно-правового текста, но практический критерий здесь берет верх над общелитературными стандартами» [33, с. 49]. Следует стремиться искать «доли» языковых конструкций применительно к юридическим конструкциям. Например, выявление и систематизацию словоформ, определяющих длящееся правонарушение [47, с. 104–119].

«Доли» нужно и можно искать и вводить в алгоритмы правотворческой деятельности во всех ее элементах. Например, в расчете затрат на реализацию закона. «Финансово-экономическое обоснование вносимого законопроекта в качестве составных частей должно включать в себя не только раскрытие расходов, покрываемых за счет средств федерального бюджета, — в нем также должны быть указаны все субъекты народного хозяйства, группы граждан, которые понесут издержки и/или получают преференции в результате принятия законопроекта, рассчитан объем этих издержек и преференций, объяснена целесообразность возложения бремени издержек предлагаемым образом» [20, с. 66].

В пятистрочном финансово-экономическом обосновании к принятому 22 апреля 2024 года Федеральному закону № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"» отмечено, что реализация положений, предусмотренных этим законом, не окажет влияния на доходы или расходы и не повлечет дополнительных расходов федерального бюджета и иных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. И это притом, что:

— изменением пункта 3 статьи 15 закона вводится обязанность территориальных органов юстиции производить замену удостоверений адвокатов через пятнадцать лет (на изготовление удостоверений, естественно, требуются средства);

— изменением пункта 2 статьи 29 закона введена обязанность адвокатских палат субъектов

Федераций принять уставы, что влечет необходимость проведения конференций адвокатских палат, невозможных без дополнительных расходов;

— вводятся дополнительные обязанности для Федеральной палаты адвокатов, адвокатских палат субъектов Федераций, территориальных органов юстиции, что неминуемо влечет их организационные, временные, материальные затраты без какого-либо обоснования положительных результатов.

Краткий вывод — необходимо системное, масштабное углубление юридических методов правотворчества и правоприменения и перевод их в технологии (воспроизводимые действия) юридической деятельности с учетом самых малых элементов.

Право — относительно самостоятельная развивающаяся метаструктура, имеющая целую иерархию уровней организации элементов. Для правовой регламентации одинаково важны как крупные нормативные общности, так и самые малые ее единицы.

Список источников

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 // Российская газета. 2024. 1 марта.
2. Алферов Ж. И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. Москва: Родина, 2021. 256 с.
3. Устройство для работы «квантовых» нейросетей // Бюллетень высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. 2024. № 3. С. 11–12.
4. Вершинина И. А. Экологическая оценка действия наночастиц Zn, Cu и SiO₂ в системе почва-живые организмы: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Оренбург, 2024. 24 с.
5. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника // Москва: Блок-Принт, 2022. 176 с.
6. Иеринг Р. Юридическая техника. Москва: Статут, 2008. 231 с.
7. Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 462–487.
8. Поляков С. Б. Фундамент правильного решения дела // Российский судья. 2023. № 1. С. 14–18.
9. Поляков С. Б., Гилев И. А. Система правоприменительных операций. Москва: Юрлитинформ, 2023. 352 с.
10. Решение арбитражного суда г. Москвы от 25 декабря 2020 года: постановление арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2021 года по

делу № А40-143913/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.08.2024).

11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2024).

12. Баранов В. М. Риски «квалифицированного молчания законодателя»: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. Н. Новгород, 2019. № 13. С. 63–81.

13. Постановление судьи Благовещенского городского суда Амурской области от 3 ноября 2020 года по делу № 5-1406/2020. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2024).

14. Решение суда Ханты-Мансийского автономного округа от 18 июня 2020 года № 5-1293/2020 по делу № 12-228/2020. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2024).

15. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. 788 с.

16. Трапезникова Е. В. Формула компьютерного толкования диспозиции нормы права // Юридическая техника. Н. Новгород, 2021. № 15. С. 710–714.

17. Трапезникова Е. В. Лингвистическая конструкция диспозиции нормы права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 251–257.

18. Трапезникова Е. В. Решение спора о содержании предписания (право или обязанность?) // Ex iure. 2020. № 3. С. 16–32.

19. Поляков С. Б., Гилев И. А., Трапезникова Е. В. Программа информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства по правилам ГПК РФ «Лазер-ИП-ГПК-2020» зарегистрирована в Реестре программ для ЭВМ 27 июля 2021 года, свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2021662386.

20. Скобликов П. А. Ситуативно-популистское законотворчество как правовой и социальный феномен, его актуальные проявления и пути ограничения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 61–68.

21. Российская газета. 2024. 16 августа.

22. Баранов В. М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей в 2-х томах. Т. 1. Нижний Новгород, 2001. С. 82–133.

23. Баранов В. М. О концепции законопроекта // Юрист. 2001. № 7. С. 51–52.

24. Баранов В. М. Концепция законопроекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. 190 с.

25. Баранов В. М. Концепция законопроекта и ее роль в повышении эффективности принятия закона // Оценка законов и эффективности их принятия: материалы Международного семинара, 16–17 дека-

бря 2002 года, г. Казань. Москва: Издание Государственной Думы, 2003. С. 36–45.

26. Баранов В. М. Значение концепции законопроекта в повышении эффективности принятия закона // Оценка законов и эффективности их принятия. Издание 2-е, перераб. и доп. Москва: Издание Государственной Думы, 2005. С. 33–43.

27. Баранов В. М. Национальный интерес и идея законопроекта: проблема трансформации // Правовое обеспечение национальных интересов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 октября 2005 г.) / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. Москва: ЗАО Юстицинформ, 2005. С. 63–81.

28. Баранов В. М. Идея законопроекта // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 28–39.

29. Баранов В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 9–17.

30. Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта: некоторые содержательные и технико-юридические проблемы взаимосвязи // Научные труды Российской академии юридических наук. Выпуск 8. В трех томах. Т. 1. Москва, 2008. С. 641–652.

31. Баранов В. М. Категория «идея законопроекта» в понятийной системе теории правотворчества // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 153–154.

32. Баранов В. М. Признаки ошибочности концепции законопроекта // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного круглого стола (29-30 мая 2008 года) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. Москва: Проспект, 2009. С. 91–115.

33. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти. Москва, ИЗиСП, 2009. 272 с.

34. Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 15–29.

35. Баранов В. М. Идея законопроекта как средство ранней диагностики качества современного российского законодательства. Выступление на межвузовском научно-практическом круглом столе «Качество современного российского законотворчества: состояние и пути повышения» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 148–151.

36. Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта как базовые начальные факторы повышения эффективности современного российского правотворчества // Эффективность права: проблемы теории и практики: материалы международной научно-практической конференции (Краснодар,

10–11 октября 2014 года). Краснодар: Изд-во Кубанского государственного ун-та, 2014. С. 31–56.

37. Юридическая техника: курс лекций / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород. Нижегородская академия МВД России, 2015. 830 с.

38. Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта // Юридическая техника. В 2 томах. Т. 1: учебник для вузов / под ред. В. М. Баранова. Москва: Издательство Юрайт, 2018. С. 217–234.

39. Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта // Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2021. С. 268–289.

40. Пункт 4.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 года № 6-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.07.2024).

41. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 50. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.07.2024).

42. Власенко Н. А. Современное российское государство. Очерки. Москва: Норма, 2022. 152 с.

43. Денисов С. А. Имитация конституционного строя: в 4 кн. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018.

44. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.

45. Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежная практика и опыт становления в современной России / М. Л. Давыдова, С. А. Дундукова, В. О. Макаров, С. М. Миронова, И. Б. Чагин; под ред. М. Л. Давыдовой, В. О. Макаров. Москва: РУСАЙНС, 2023. 186 с.

46. Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. Москва: РАП, 2008. 314 с.

47. Поздышев Р. С. Длжащееся правонарушение (теория, практика, техника): дисс. ... канд юрид. наук. Нижний Новгород. 2022.

References

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/29/2024. *Rossiyskaya Gazeta*. 2024. March 1st. (In Russ.)

2. Alferov J. I. Power without brains. Separation of science from the state. Moscow: Rodina Publ., 2021. 256 p. (In Russ.)

3. Device for the operation of “quantum” neural networks. *Bulletin of the Higher Attestation Commission*

of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, 2024, no. 3, pp. 11–12. (In Russ.)

4. Vershinina I. A. Ecological assessment of the action of Zn, Cu and SiO₂ nanoparticles in the soil-living organisms system. Abstract. ... cand. biological sciences. Orenburg, 2024. 24 p. (In Russ.)

5. Baranov V. M. “Positive legal responsibility”: controversial concept, imaginary practice, virtual technique. Moscow: Block Print Publ., 2022. 176 p. (In Russ.)

6. Iering R. Legal technique. Moscow, Statute Publ., 2008. 231 p. (In Russ.)

7. Polyakov S. B., Gilev I. A. The subject area of informatization of judicial decisions. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*, 2021, issue 53, pp. 462–487. (In Russ.)

8. Polyakov S. B. The foundation of the correct solution of the case. *A Russian judge*, 2023, no. 1, pp. 14–18. (In Russ.)

9. Polyakov S. B., Gilev I. A. System of law enforcement operations. Moscow, Yurлитinform Publ., 2023. 352 p. (In Russ.)

10. The decision of the Arbitration Court of Moscow dated December 25, 2020, the decision of the Arbitration Court of the Moscow District no. A40-143913/2020 of dated June 13, 2021 in case. URL: <https://kad.arbitr.ru/>. (accessed 29.08.2024) (In Russ.)

11. Access from the SPS “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed 10.08.2024). (In Russ.)

12. Baranov V. M. The risks of “qualified silence of the legislator”: doctrine, practice, technique. *Legal technique*, Nizhny Novgorod, 2019, no. 13, pp. 63–81. (In Russ.)

13. The decision of the judge of the Blagoveshchensk City Court of the Amur region no. 5-1406/2020 of dated November 03, 2020. URL: <https://www.sudact.ru> (accessed 17.07.2024). (In Russ.)

14. Decision of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Court of dated June 18, 2020 no. 5-1293/2020 in case no. 12-228/2020. URL: <https://www.sudact.ru> (accessed 17.07.2024). (In Russ.)

15. Bell D. The coming post-industrial society. The experience of social forecasting. Moscow, Academia, 2004. 788 p. (In Russ.)

16. Trapeznikova E. V. The formula of computer interpretation of the disposition of the rule of law. *Yuridicheskaya tekhnika* Publ., Nizhny Novgorod, 2021, no. 15, pp. 710–714. (In Russ.)

17. Trapeznikova E. V. Linguistic construction of the disposition of the norm of law. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (53), pp. 251–257. (In Russ.)

18. Trapeznikova E. V. Resolution of the dispute on the content of the prescription (right or obligation?). *Ex jure*, 2020, no 3, pp. 16–32. (In Russ.)

19. Polyakov S. B., Gilev I. A., Trapeznikova E. V. The program of information technology support for the adoption of motivated judicial decisions in cases of claim

proceedings according to the rules of the Civil Procedure Code of the Russian "Laser-IP-GPK-2020" is registered in the Register of computer programs on July 2, 2021, certificate of state registration of computer programs no. 2021662386. (In Russ.)

20. Skoblikov P. A. Situationally populist lawmaking as a legal and social phenomenon, its actual manifestations and ways of limitation. *Criminology: today, tomorrow*, 2020, no. 2. pp. 61–68. (In Russ.)

21. *Rossiyskaya gazeta*. 2024. August 16. (In Russ.)

22. Baranov V. M. The concept of a draft law: concept, elements, types, problems of implementation // Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement. Collection of articles in 2 vol. Vol. 1. Nizhny Novgorod, 2001. pp. 82–133. (In Russ.)

23. Baranov V. M. On the concept of the bill. *Lawyer*, 2001, no. 7, pp. 51–52. (In Russ.)

24. Baranov V. M. The concept of the bill: A textbook. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 190 p. (In Russ.)

25. Baranov V. M. The concept of the draft law and its role in improving the effectiveness of the adoption of the law // Evaluation of laws and the effectiveness of their adoption. Materials of the International seminar, December 16–17, 2002, Kazan, Moscow: Edition of the State Duma, 2003. pp. 36–45. (In Russ.)

26. Baranov V. M. The importance of the concept of the bill in improving the effectiveness of the adoption of the law // Evaluation of laws and the effectiveness of their adoption. 2nd edition, revised. and additional Moscow: Edition of the State Duma, 2005. pp. 33–43. (In Russ.)

27. Baranov V. M. National interest and the idea of the bill: the problem of transformation // Legal support of national interests: Materials of the international scientific and practical conference (Moscow, October 25–26, 2005) / Under the general editorship of T. Ya. Khabrieva. Moscow: CJSC Justicinform, 2005. pp. 63–81. (In Russ.)

28. Baranov V. M. The idea of the bill. *Legal technique*. 2007, no. 1, pp. 28–39. (In Russ.)

29. Baranov V. M. The idea of a draft law: essence, practical value, technical and legal design. *Journal of Russian Law*, 2008, no. 2, pp. 9–17. (In Russ.)

30. Baranov V. M. The idea and concept of the draft law: some substantive and technical-legal problems of interrelation. Scientific works of the Russian Academy of Legal Sciences. Issue 8. In three vol. Vol. 1. Moscow, 2008. pp. 641–652. (In Russ.)

31. Baranov V. M. Category "the idea of a bill" in the conceptual system of the theory of lawmaking. *Journal of Russian Law*, 2008, no. 2, pp. 153–154. (In Russ.)

32. Baranov V. M. Signs of the erroneous concept of the draft law // Legal errors: the concept, types, practice and technique of elimination in post-Soviet states: materials of the International Round Table (May 29–30, 2008) / ed. by V. M. Baranov, I. M. Matskevich. Moscow: Prospekt Publ., 2009. pp. 91–115. (In Russ.)

33. Legal technique: a textbook on preparation draft laws and other regulatory legal acts by executive authorities. Moscow, IZiSP, 2009. 272 p. (In Russ.)

34. Baranov V. M. The idea and concept of the draft law: concept, meaning, dialectics of functioning. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 17, pp. 15–29. (In Russ.)

35. Baranov V. M. The idea of the draft law as a means of early diagnosis of the quality of modern Russian legislation. Presentation at the interuniversity scientific and practical round table "The quality of modern Russian lawmaking: state and ways of improvement". *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 22, pp. 148–151. (In Russ.)

36. Baranov V. M. The idea and concept of the draft law as the basic initial factors of increasing the effectiveness of modern Russian lawmaking // Efficiency of law: problems of theory and practice. Materials of the international scientific and practical conference (Krasnodar, October 10–11, 2014). Krasnodar: Publishing House of the Kuban State University, 2014. pp. 31–56. (In Russ.)

37. Legal technique: a course of lectures / ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 830 p. (In Russ.)

38. Baranov V. M. The idea and concept of the bill // Legal technique. In 2 vols. Vol. 1: textbook for universities / ed. by V. M. Baranov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. pp. 217–234. (In Russ.)

39. Baranov V. M. The idea and concept of the bill. Legal technique: textbook / ed. by V. M. Baranov. Moscow: Prospek Publ., 2021. pp. 268–289. (In Russ.)

40. Paragraph 4.1 of the reasoning part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 6-P of dated March 31, 2015 no. 6-P. Access from the SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru> (accessed 26.07.2024). (In Russ.)

41. On the practice of consideration by courts of cases challenging regulatory legal acts and acts containing clarifications of legislation and having regulatory properties: paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 50 of dated December 25, 2018. Access from the SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru> (accessed 26.07.2024). (In Russ.)

42. Vlasenko N. A. The modern Russian state. Essays. Moscow, Norma Publ., 2022. 152 p. (In Russ.)

43. Denisov S. A. Imitation of the constitutional system: in 4 books. Yekaterinburg, Humanitarian University, 2018. (In Russ.)

44. Baranov V. M. Standardwriter as a profession. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6, pp. 16–29. (In Russ.)

45. Experimental legal regimes (regulatory sandboxes): foreign practice and experience of formation in modern Russia / M. L. Davydova, S. A. Dundukova, V. O. Makarov [and other]; ed. by M. L. Davydova, V. O. Makarov. Moscow: RUSINES Publ., 2023. 186 p. (In Russ.)

46. Ushakov A. A. Favorites: Essays of Soviet legislative stylistics. Law and language. Moscow: RAP Publ., 2008. 314 p. (In Russ.)

47. Pozdyshev R. S. Continuing offense (theory, practice, technique). Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod. 2022. (In Russ.)

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

С. Б. Поляков — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, адвокат.

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”;

S. B. Polyakov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Perm Branch of the National Research University Higher School of Economics, lawyer.